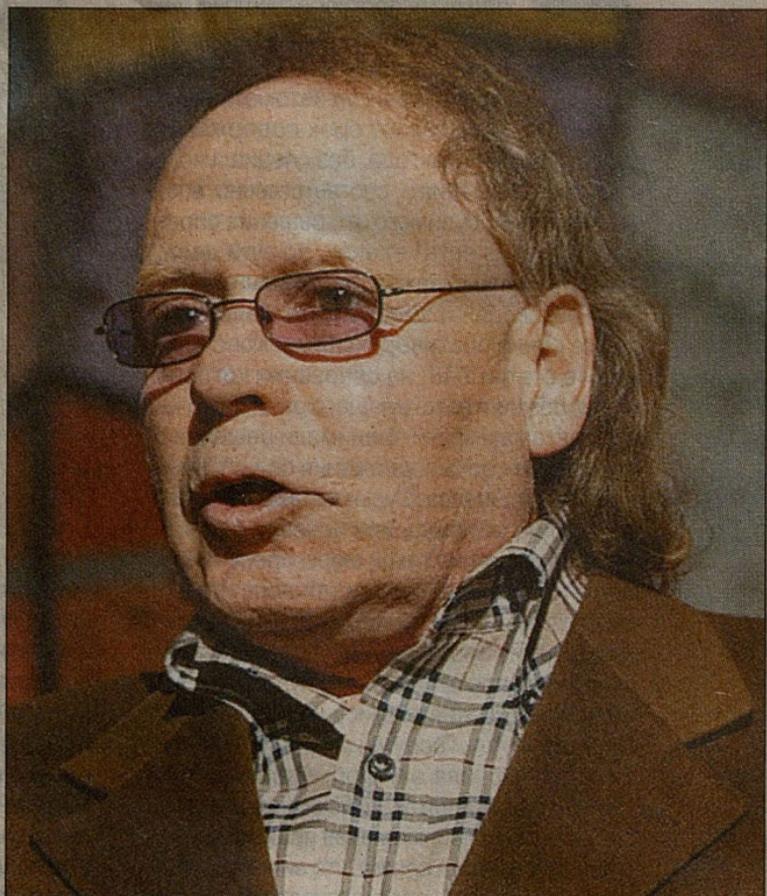


Драматург ЭДВАРД РАДЗИНСКИЙ:



ВЛАДИМИР МАШАТКИН

«В Париж надо привозить молодых»

Мария Кормилова, Париж

В эти дни в Париже проходит 25-й Международный книжный салон. Среди самых именитых посланников России – писатель **Эдвард Радзинский**, которого теперь в Европе знают едва ли не лучше старых русских классиков. Наверное, поэтому даже в Париже его осаждают жаждущие автографа читатели. После очередной встречи с французскими поклонниками **Эдвард РАДЗИНСКИЙ** ответил на вопросы «Новых Известий».

– Эдвард Станиславович, в Москве вас не застать – вы все время за пределами России. Наверное, Парижем вас уже не удивить?

– Каждый год я обязательно месяца три живу в Париже, потому

что пишу здесь. Мой отец не только прекрасно знал французский – он думал на этом языке. Но так никогда и не был во Франции. У него была одна несбыточная мечта – он рассказывал, как люди сидят в парижских кафе и пишут книги, и хотел попасть к ним. Но я, приехав во Францию, не встретил таких картин. Зато увидел много людей с компьютерами, которых в 12 часов выгоняют из кафе.

– Значит, в парижских кафе писать книги невозможно?

– Возможно. Я осуществил мечту отца, целиком написав в кафе книгу про Наполеона, которую только так и нужно было писать. Каждый день сидел в кафе «Ростан» рядом с Люксембургским садом, потому что я всегда живу там в отеле. И сейчас, когда этот книжный салон закончится, я перееду только туда, потому что, сколько бы я ни жил по принуждению в других парижских гостиницах, я всегда уезжаю в один и тот же трехзвездочный отель. Там есть мой любимый номер.

Окончание на стр. 5

Новые Известия - 2005 - 13 марта - с. 1, 5

«В Париж надо привозить молодых»

Окончание. Начало на стр. 1

В Париже надо ходить, смотреть каждый раз на те же дома, на которые смотрел сто тысяч раз, и каждый раз видеть их по-другому. Я обожаю этот город. Я недавно понял, что ссылкой для меня был бы запрет на визиты сюда. Эта любовь непонятна. Я даже стараюсь не учить французский язык. Вы же знаете, что сыновья сапожника всегда без сапог, значит, я должен был не знать французский хотя бы из этого принципа. Но я не учил его никогда еще и потому, что очень боюсь. Не хочу услышать вместо слов о Вольтере разговор о каком-нибудь футболисте или теннисисте. Хочется верить, что французы до сих пор говорят о Верлене.

— **Книгу об Александре Втором, еще не изданную в России, вы уже представляли американцам, французам. Наверное, в этих странах вам задавали вопросы о параллелях с современной российской историей и политикой?**

— Да, эту книгу сейчас издают в диком количестве стран. И везде находят параллели с сегодняшней Россией. Но я стараюсь сам их не обнаруживать. Пусть находят читатели. Потому что моя задача — забыть про современность. Тогда выйдет все правильно. Аллюзия должна возникнуть, но не у меня. Как только это произойдет — книга мертва.

— **Я только что читала последнюю книгу Юрия Давыдова, у которого все было построено на сопоставлении времен. Даже молодой Александр Третий в его романе похож на стройного баскетболиста...**

— Знаю. Но вот именно поэтому мне так трудно читать эти книги. Без таких параллелей книга получается мощнее. Нужно понять людей, о которых пишешь. Вам конец, если вы начнете сопоставлять войну в Чечне тогда и теперь. Нужно понимать, что это совсем другая Чечня и другая жизнь. Все другое. Я стараюсь писать правдивые книжки о том времени.

— **Что вы думаете о выставке, на которой мы с вами находимся? Сюда привезли большую литературу? О выставке напишут в будущих учебниках по литературе?**

— Нет, не напишут. В учебник войдут дягилевские сезоны. А для того, чтобы войти в учебники по литературе, нужна сама новая литература, которую пока сюда не привезли. Когда во времена Александра Второго рухнули жесткие запреты Николая Первого, сразу родилась великая литература. Если я буду перечислять имена, это будет целый список. Совсем недавно все ждали того же, но ничего не произошло, потому что 80 лет у нас не было Бога, не было духовности. В нашем небе летали только самолеты — то была страна пустого неба. Теперь же литература стала лишь повторять двадцатые годы, занялась изобретением велосипеда. Страна ждет, когда литература наконец-то изобретет велосипед и поедет на нем.

Думаю, настоящую русскую литературу сю-

Эдвард РАДЗИНСКИЙ родился 23 сентября 1936 года в Москве. Окончил Московский историко-архивный институт. В 1960 году на сцене Московского театра юного зрителя была поставлена первая его пьеса «Мечта моя... Индия». Широкая известность пришла после постановки Анатолием Эфросом спектакля Радзинского «104 страницы про любовь» в Театре имени Ленинского Комсомола. Пьеса с успехом прошла более чем в 120 театрах в нашей стране и за рубежом, по ней режиссер Георгий Натансон снял фильм «Еще раз про любовь». На счету Радзинского более 20 пьес, среди которых — «Она в отсутствие любви и смерти», «Беседы с Сократом», «Театр времен Нерона и Сенеки», «Поле боя после битвы принадлежит мародерам». Эдвард Радзинский — один из известнейших прозаиков. Среди множества его исторических повествований мировыми бестселлерами стали две документальные книги: «Николай II» и «Сталин».

да привезут в будущем. А пока важно было бы привозить сюда молодых людей, потому что эта аура им дает что-то. Вот я глава попечительского совета премии «Дебют». У меня была мечта. Договорился с Национальным резервным банком о том, чтобы очередных победителей конкурса привезли в Париж, здесь бы мы вручили им эту премию, и здесь они бы неделю пожили. Но выяснилось, что тогда у банка были одни интересы, а теперь другие. И они забыли нашу договоренность. А это очень жаль...

— **Но ведь на «круглых столах» Парижского книжного салона тоже заботятся о новой литературе, хотя «молоды-**

ми» писателями считаются те, кому под 40 или 30 с хвостиком: Дмитрий Быков, Андрей Геласимов, Евгений Гришковец...

— Какая же это молодежь? Только для официального «круглого стола». Пушкин до такого возраста даже не дожил!

— **Но у них-то перспектива есть. У 30-летних больше шансов, чем у мэтров, написать книгу лучше, чем предыдущая...**

— Все эти тридцатилетние — уже писатели в расцвете сил. Молодежь — это те, кто напечатал свою первую книгу и никогда не был в Париже.